

ДЕЛО: ТРУБА
или почему Димка Лапоть
перестал разговаривать с Игорем Смыком

*На высоту такую, милая, ты не посмотришь
высока! (Народная песнь)*

Димка Лаптев – коротко Лапоть – работает на городской теплоэлектростанции или попросту ТЭЦ электриком, а его друг Игорь Смыков или среди товарищей Смык – на той же станции монтажником. Им по тридцатке, оба знакомы еще со школы, оба отслужили в армии, а потом как-то сошлись в одном коллективе и стали напарниками. Димка спокойный, рассудительный, роста выше среднего, и, хотя в нем чувствуется физическая сила, на деле он – не очень уверенный в себе человек. Игорь – ему противоположность, небольшого роста, чернявый, нахрапистый, проблемы ставит прямо, но немного суетливый. И от своей суетливости его тянет на какие-то необдуманные поступки. Странно как-то, но они не только работают вместе, но еще и дружат семьями. У Димки – два сына, у Игоря – дочка и сын.

Работа у них на станции самая обычная: Димка проверяет и ремонтирует контрольно-измерительную аппаратуру, Игорь монтирует или проверяет крепление самых разных узлов и агрегатов. Но примерно раз в квартал или чаще им поручается особо ответственное задание, которое на станции выполнять могут только они. Поручили им это лет

пять тому назад, видимо, по причине их прежней армейской специфики, поскольку Димка служил в авиации, а Игорь – в ВДВ.

Дело в том, что к корпусу любой ТЭЦ примыкает огромная труба. Их труба – самое высокое сооружение в городе высотой 92 метра. По причине огромной высоты этой трубы для безопасности движения средств малой авиации (а, может быть, и не малой вовсе) на нее монтируются проблесковые маячки – мигающие в темное время суток лампочки, прикрываемые красными стеклянными колпаками. Работу этих мигалок, именуемых еще заградительными огнями, нужно периодически проверять, и менять лампочки, если перегорят. Тогда Димка и Игорь в означенное регламентом время с необходимым инструментом поднимаются на высоту, проводят осмотр и замену ламп, осматривают крепления, зачищают контакты, проверяют целостность стекла колпаков.

На работе труба именуется как «объект 2», поскольку «объектом 1» считается сама ТЭЦ, но Димка и Игорь, поскольку она в самом деле чем-то напоминает огромную ракету, называют ее просто: космос. А когда идут на дело, говорят:

– Ну все, пошли в космос!

Трубу эту, как и саму ТЭЦ построили давно, заметно раньше, чем Димка и Игорь появились на свет. Это позже на трубы начнут наносить двойную раскраску – красная полоса, потом белая и так дальше, а тогда еще такого предписания не было, труба – монотонная, кирпичная. У основания ее диаметр составляет метров 8, точно никто не измерял, там располагается склад, и только с высоты примерно третьего этажа в трубу заводятся разного рода патрубки, дымоходы от горелок и устройств сжигания топлива, из которых вырываются отработанные газы, чтобы устремиться наверх в высоту голубеющего днем или темнеющего ночью неба. К верху диаметр трубы зауживается, чтобы на самой верхотуре составить около 3 метров. Такой вот исполин.

Освещение в темное время суток – не чья-то прихоть, оно строго регламентировано правилами полетов гражданской авиации. Заградительные огни должны мигать красным светом не реже 20 раз в минуту и просматриваться со всех сторон возможного полета летящего на малой высоте авиационного средства – вертолета или небольшого

самолетика, а, может, и низко летящего авиалайнера. Также, согласно регламенту, первый ярус заградительных огней устанавливается на высоте 45 метров от уровня земли, второй – еще через 45 – то есть на самом верху трубы.

Сбоку к трубе крепятся горизонтальные скобы так называемой ходовой лестницы, расположенные одна от другой на расстоянии 30-40 сантиметров. Скобы уходят вертикально вверх до высоты примерно 20-25 метров, и только после этого у ходовой лестницы появляется защитное страховочное металлическое ограждение сбоку и со спины.

Чтобы забраться на трубу, необходимо не только преодолеть страх высоты, но и проявить определенное мужество. Дело в том, что в ветреную погоду труба начинает «гулять» – и сторонний человек сразу не разберет то ли ветер качает его самого, то ли труба ходит туда-сюда.

Правило подъема одно: не брать ничего лишнего, нужного не забывать и не торопиться. Путь к вершине, прямо скажем, не очень-то близок. Двести шестьдесят две ступеньки или скобы наверх и столько же вниз. Двести шестьдесят ступенек по обычной лестнице подняться – и то не просто. А здесь и шаг ступенек в два раза больше и идти приходится вертикально вверх. Перед подъемом обязательно проверяют, весь ли необходимый инструмент взяли, не дай Бог, отвертку забудешь – большая проблема! Игорь обычно идет первым, Димка – следует за ним на небольшой дистанции. На расстоянии 10-15 метров от поверхности земли, скобы немного согнуты вниз. Кто их согнул – не понятно, да и не помнит уже никто, может, что-то на них подвешивали в аварийном режиме. «Шаг – остановка, другой – остановка», – вспоминаются строчки из известной детской книжки.

На площадке нижнего яруса проверяется первая линия заградительных огней. Заодно, предписывается инструкцией, производится осмотр всех построек ТЭЦ сверху. Убедившись, что внизу и на нижней площадке все в порядке, «космонавты» продолжают восхождение наверх внутри защитного ограждения. Это еще 120 ступеней. Оборачиваться лучше не стоит, двигаться вперед целеустремленно, а то вдруг охватит испуг, скует движение ног и рук, тогда и до беды недалеко. Защитное ограждение, если сорвешься, от падения и от смерти не защитит. Оно так,

формальное, чтобы ветром в сторону не сдуло. По пути парни делают короткие передышки – и снова в путь.

И вот, наконец, они достигают самой верхотуры. Здесь перед ними открывается широкая панорама города, как на ладони лежат улочки с домами, церквями, садиками, режущие его на части ручьи и речки, пруды и скверы, автомобильные дороги, мосты и эстакады с автомобилями-букашками. А дальше – ближайшие окрестности – поля, леса, холмы и взгорки, деревни и села.

Переведя дыхание, друзья начинают регламентные работы – осматривают огни, контакты, что-то подчищают, если надо, меняют лампочки. А, завершив их, закуривают, иногда усаживаются на обрешетку, сидят молча или говорят о своем.

– Слыхал я, что высокие трубы могут под ветром раскачиваться из стороны в сторону метра на два, – рассуждает Игорь.

– Да вроде бы она ходит, – отвечает ему Димка, – хотя странно это как-то. Кирпичи уложены вроде бы плотно, прочно связаны между собой раствором. А она ходит...как думаешь, а наша труба на сколько отклоняется?

– На метр, может и на полтора. А двухсотметровые – те еще больше.

– Ни фиги себе!

– Да я слыхал, что и небоскребы сверху гуляют туда-сюда.

Оба затягиваются, гасят сигареты, бросать окурки вниз инструкцией не разрешается.

– Сейчас много молодежи лазает по разным высоткам, а потом прыгают оттуда с парaplанами, – вспоминает Димка недавнюю телепередачу, – адреналина им вроде бы не хватает. Слышь, Игорюх, а сам-то прыгнул бы отсюда с парашютом?

Игорь оценивающе смотрит вниз, словно соизмеряя расстояние и свои возможности.

– Да прыгнул бы, мы ведь и с небольшой высоты десантировались.

У обоих за время подъемов и спусков с трубы развилось одно необычайное качество. На глаз они достаточно точно определяли ту высоту, на которой находились – вплоть до метра. Но только от нуля до 92-метровой отметки, а вот если бы выше поднялись – на 150, 200 или 400

метров, то глазомер уже ничего бы не определил. Это Игорь проверил на собственном опыте, когда прошлый год ездил на Кавказ. Подъехали там к какому-то ущелью, он посмотрел вниз, попытался определить расстояние до протекающей внизу горной речки, а потом спросил у экскурсовода, какова глубина ущелья. Тот сказал, и Игорь понял, что со своей оценкой ошибся. А потом глянул еще раз на бьющуюся внизу между камней речку, и как-то не то, чтобы страшно, но неуютно стало. Мужики говорили, что те, кто работает на 100-метровых трубах, никак не соглашаются работать на 200-метровых, а кто привык работать на 200-метровых, на 300-метровую лазать опять же не согласится. Но, впрочем, иногда бывают и исключения.

Год назад одна мысль заедала обоих – денег им за «поход в космос» платят мало – по 5 тысяч рублей на нос. Все становилось дороже – и коммунальные платежи, и продукты, и горючее, но ставки начальство не меняло. А какие риски! Поэтому, посоветовавшись, решили надавить на главного инженера, в ведении которого находился контроль за электроустановками на трубе. Зашли в кабинетик. Сергею Павловичу Затворову – Палычу – было лет 45-47, а, может и немного больше, на хозяйстве он находился уже 8 лет, и друзьям казался, если не стариком, так, по крайней мере, человеком старшего поколения. Невысокого роста, сутуленький, с посеребренными сединой висками, углубляющимися морщинками вокруг глаз и на лбу, телом как на шарнирах, казался старше своих лет, да и передвигался вразвалочку.

– Чего хотели-то, парни? – взглянул он на просителей поверх очков с железными дужками. То, что пришли просители – он не сомневался.

– Это самое, Палыч, – начал Игорь напрямик, – работа на высоте опасная, сам знаешь. Маловато нам пяти тысяч за «полет в космос». Космонавтам-то знаешь, сколько платят? Скажи начальнику, чтобы платили хотя бы десять.

– Так то космонавты, а это – вы. Вы ж не космонавты!

– А ты попробовал бы подняться хоть раз, хоть до первой площадки?

Палыч стал говорить, что когда-то лазал на высоту, но толком не пояснил, на какую именно. В один из дней Игорь перешел к конкретной атаке на главного инженера, встретил его поблизости от трубы, кивнул на

уходящие ввысь скобы-ступени, мол, давай-ка попробуй! Палыч попробовал, надел рабочие перчатки, полез. Поначалу дело шло хорошо, добрался до уровня примерно третьего этажа дома.

– Эй, Палыч! – крикнул снизу Игорь. – Не страшно тебе?

Крикнул специально, знал, что до поры до времени тому лучше не оборачиваться. Палыч коротенько обернулся, но отмахнулся рукой, мол, смотрите, каков я на деле. Но, преодолев еще несколько ступеней, Затворов остановился, не дойдя до защитного ограждения, глянул еще раз вниз и замер, словно приклеился к железным скобам. А они как раз в этом месте начинали прогибаться.

– Палыч, если что, мы тебя ловим! – крикнул Игорь.

– Ладно, Палыч, спускайся! – добавил снизу Димка. – А то в самом деле спикуруешь!

Тот медленно и осторожно начал спускать ноги. Очутившись на прочной почве, Затворов выпустил воздух:

– Да оно понятно, что работенка у вас та еще, – заключил он. – Завтра подготовлю начальнику записку. Так и быть, повысим вам вознаграждение за высотные работы.

Затворов свое обещание выполнил, и теперь за каждый подъем друзья стали получать по десять тысяч рублей.

Однако, прибавка оказалась не такой уж существенной, если на другую чашу весов положить опасность подъема. Как-то раз их жены, или что-то пронюхав, или сговорившись заранее, устроили им сущую головомойку, потребовав прекратить лазание на трубу. А то, не дай Бог, что случится. Спорить с ними было бесполезно. Но и сразу же отказаться от этого дополнительного и такого важного вознаграждения было нельзя, не так поймут, дескать, испугались, а еще вояки! Но друзей от отказа сдерживал еще один момент: в глубине души им нравились эти восхождения, они доставляли ни с чем иным не сравнимые чувства как собственной уникальности, так и жизненной остроты.

Тот раз, будучи на вершине трубы, Игорь завел разговор:

– Что думаешь-то? Надо через финансовую сторону отходить от дела.

– Типа запросить столько денег, сколько не дадут?

– Не знаю, а если много дадут, то стоит ли отходить от него?

А, немного поразмыслив, добавил:

– Слушай-ка, лично я не помню, чтобы кто-то помимо Палыча попробовал к нам сюда забраться.

– Да нет, был один. Помнишь Леху Борисова, электрика? Тот, попробовал, но ничего у него не вышло. До ограждения, правда, добрался, но дальше не решился, сказал ну его на хрен!

– Так это не из наших, а из наших – никто! Вот то-то! Значит, профессия у нас – уникальная! – глубокомысленно заключил Игорь. – Следовательно, без нас никак не обойдутся. Мы можем просить столько денег, сколько сочтем нужным. В разумных пределах, конечно.

– Это ты правильно говоришь, Игорюха... – согласился Димка.

Понятно, что мысль об уникальности и большой значимости работы посетила не только наших верхолазов, но и главного инженера тоже, поскольку он вдруг задал им такой вопрос:

– А может нам защитное ограждение вокруг лестницы с самого низа сделать?

Но Игорь усмотрел в заявлении другой намек. Сделать более безопасным подъем, а значит – и деньги им урезать:

– А кто его делать-то будет? Тут ты приставной пожарной лестницей не отделаешься, надо специальную технику вызывать. И во сколько это ограждение тебе обойдется? Высотные работы ой какие не дешевые.

Словом, идею с защитным ограждением снизу решили пока не развивать.

После каждого своего «полета в космос», а точнее получения денег за него, космонавты шли в местный грузинский ресторан «Генацвале», где хозяином был настоящий грузин, обязательно заказывали бутылку грузинского коньяка, брали закуски, лобио и люля-кебаб. Почему шли именно в «Генацвале» – они и сами толком не знали, возможно, из-за того, что ресторан этот считается одним из престижных в городе или потому, что требовалось по-хорошему поощрить себя за проделанную работу, сродни подвигу. А, может, он напоминал о горах, а горы, как и труба – тоже высота. Садись за столик, слушали тихую музыку, и, когда

официант приносил бутылку, наливали коньяку в бокалы и обязательно произносили первый тост на Новожиловых.

– Дай Бог им здоровья, если живы еще, – говаривал обычно Игорь, – и вечного покоя, если их уже нет среди нас.

Никто толком не знал, были ли эти Новожиловы – муж с женою – местными жителями или же приезжими по временной разнарядке мастерами. Никто из ныне работающих на ТЭЦ их в глаза не видел, не помнил, как они выглядели – крупные или мелкие люди, страна часто не помнит о своих героях. Но именно благодаря этим Новожиловым появилась труба, и, стало быть, у Димки и Игоря – такая вот шабашка, а за ней – этот по местным меркам шикарный ужин.

Известно только, что Новожиловы – оба хорошие каменщики, и носили имена, необычные для современного человека. Его звали – Тихоном, ее – Агафьей. Сорок пять лет тому назад, когда только решили возводить трубу, долго не могли найти квалифицированных мастеров, которые взялись бы за такое необычное дело. Многие местные каменщики работали на многоэтажках, а вот трубы не клали, приезжали посмотреть предстоящую работу заезжие мастера из города Иванова, но их почему-то забраковали, а в итоге вдруг остановились на этих Новожиловых. По какой причине избрало их тогдашнее начальство – тоже не понятно. Вот и стали муж с женою вдвоем класть кладку – строить эту огромную трубу. Опять же никто, включая нынешнего начальника ТЭЦ, толком не помнил, сколько времени и как они ее строили, с помощью каких механизмов поднимали наверх кирпич, цемент, воду или раствор, как выкладывали внутренку из кислото-упорного кирпича, какую делали опалубку, какие возводили леса, какие делали расчеты, чтобы законусить эту трубу, наконец, сколько денег им заплатили за эту явно непростую работу. А ведь построили, и стоит эта труба уже чуть ли не пять десятков лет! Словом – семейный подряд, о муже и жене Новожиловых на станции жила разве что легенда, и никаких конкретных данных. Вот почему наслышанные о их подвиге Димка с Игорем по традиции поднимали в «Генацвале» за них первый тост.

2014 год выдался политически и финансово сложным для страны, хотя у нас все года оказывались нутужными. В Сочи завершилась зимняя

олимпиада, вдрызг разругались с Украиной, и к концу года рубль стал обваливаться по отношению к доллару и прочим международным валютам. В народе тогда заговорили о втором дефолте (люди постарше помнили еще 1998 год, когда их сбережения уменьшились в несколько раз), высказывались идеи относительно того, что нужно закупать – спички, соль, сахар или крупы, предложения как лучше сохранить свои финансы, если, конечно, у кого-то такие имелись. Из телевизора не в меру бодрый голос диктора уговаривал народ, что рост цен – это все там у них, а у нас – свои стабильные расценки на все, кроме, разумеется, импортного завоза. А если учесть, что импортный завоз преобладал в торговле, то все эти заверения выеденного яйца не стоили.

Так и вышло: постепенно и рублевые цены в магазинах не удержались и поползли вверх. У работающих людей откладывались поездки на отдых, замышляемые покупки, приобретения. Игорь скопил было денег на машиненку – так он называл желаемую «Ниссан-альмеру», но теперь эта несчастная машиненка, похоже, укатывала куда-то в сторону. И вновь нашим «космонавтам» волей-неволей пришлось думать об увеличении оплаты «полетов», поскольку зарплату им поднимать явно не собирались.

Серым декабрьским днем Димка и Леха подольше задержались на верхнем ярусе, курили, говорили о жизни и наслаждались окружающим миром. Здесь, на вершине трубы благодать уединения наполняла тело и мысли неким блаженством. Уединение – это когда ты знаешь, что никто случайный к тебе не подойдет, не навяжет неприятный разговор, начальник – не побеспокоит дурацким требованием, не скажет какую-нибудь гадость, а подходящие в основном гадости-то и говорили, хорошее – редко, не даст рабочую вводную, на которую нужно немедленно реагировать. А говорить на трубе можно о чем угодно – никто не подслушает. Уединение – это когда проблемы начинают казаться далекими, как начиненная суетой земля внизу. И только когда собрались спускаться, Игорь напомнил о больном:

– Промахнулись мы тогда с тобой, стало быть, Димон, надо было больше прибавки просить.

– Кто ж знал, что оно так выйдет.

– Да у нас все боком выходит, только нам зарплату не прибавляют. Коммунальные платежи увеличили, зарплату – фигу, – Игорь всегда подначивал товарища. – И на наши с тобой полеты денег нет.

– Да есть у них деньги, – раздосадовано поддержал его товарищ. – Начальство-то поди о себе только и думает. Деньги-то с народа собирают за отопление, за электричество все больше, а куда они идут? Вот ему и идут, не им же страдать. Вот пусть Палыч инструмент в зубы – и лазит сюда!

Друзья еще раз немного посетовали на власти, на начальство, которое не понимает проблем или понимает по-своему, немного помолчали, будто осмысливали происходящее. Вокруг в природе установилась зима, внизу прямо и слева белели поля, а справа темнел лес, вся эта картина вдали сливалась с линией горизонта, а в городе поднимались дымки над крышами домов, муравьями ходили человечки, даже был слышен приглушенный надрывный лай собаки, а в целом наплывала декабрьская серость – время шло к трем часам дня.

– Все, надо спускаться, – заключил Димка, поправляя пояс.

– Я думаю, нам надо просить хотя бы один полный оклад за наш полет, – подытожил ситуацию Игорь, когда они спустились на землю.

– Пойдешь спрашивать?

– Вместе пойдем.

– Лады.

Палыч встретил друзей на этот раз с меньшим пониманием. Видно, у него имелись какие-то свои задумки, и вот теперь эти пришли, чтобы их разрушить:

– Парни, да вы что? У нас никому зарплату не поднимали, вы это сами знаете. Начальник меня матюками покрывает, заикнись я о вас.

– А может ты хоть до нижнего яруса поднимешься, а, Палыч? – в наглую уперся Игорь. – А может он сам за тобой ползет?

– Ты, Смыков, на меня не напирай, я ведь деньгами-то не особо распоряжаюсь, – неловко стал оправдываться Затворов.

– А походатайствовать можешь. Походатайствуй, – добавил Димка, – пошли вместе ходатайствовать.

– Ладно, так и быть, поставлю вопрос, – как-то без особого энтузиазма согласился главный инженер.

Но вышло так, что буквально через неделю на верхнем ярусе перегорела лампочка, и потребовался внеплановый подъем на трубу. Перед подъемом друзья решили напрямую спросить Затворова, удалось ли ему поговорить с начальником, и каков результат этого разговора.

– Ты нам вот что скажи, Палыч, что начальник-то решил?

Палыч не сразу ответил, а как-то закашлялся, или у него запершило в горле от неудобства темы.

– Вижу, что ничего хорошего не сказал, – продолжал напирать Смык, – Тогда вопрос поставлю иначе: а ты с ним вообще-то говорил на эту тему?

Наконец Затворов прокашлялся, и его тоже прорвало:

– Да говорил, говорил я ему! Сказал, что надо вам за высотку еще добавить!

– И что?

– Сказал денег пока нету! Вот что сказал! Поднимайтесь, будем и дальше решать ваш вопрос, это я вам, по крайней мере, обещаю!

На улице парни закурили, Димка ковырял носком кирзового сапога слежалый снег, Игорь торопливо выпускал ноздрями табачный дым, прежде чем, изрек истину:

– Видишь ли, они нас сегодня запустят, заплатят как раньше, а потом будут ждать два месяца до следующих регламентных работ. Или мы к тому времени забудем о нашей прибавке, или они какую-то еще отговорку придумают.

– Что делать-то?

– Вопрос нужно сразу решать – или-или. Есть у меня тут одна задумка, если она удастся – все будет в шоколаде!

В тот день перед подъемом Игорь сбегал домой и притащил в рюкзаке и сумке еще один запасной комплект спецодежды – телогрейку, ватные штаны, а также шапку-ушанку, объяснил товарищу, зачем все эти приготовления. Все это они затащили с собой на трубу и, рассевшись на верхней площадке, принялись вязать веревками чучело.

– А не прогорим ли, Смык, все-таки дело нешуточное? – высказал сомнение Димка.

– Да нет, не прогорим! А как еще иначе до них достучаться? Значит так: через пятнадцать минут народ должен выйти на пересменку. Я до этого спущусь с трубы, а ты крикни погромче и сбрось чучело вон туда, – и он показал рукой в противоположную от корпуса сторону. – Гадом буду, мы их достанем, Лапоть, эффект будет небывалый. Это я тебе обещаю!

Сказал – и начал спускаться.

В обозначенное время, люди мелкими кучками действительно вышли из главного корпуса на улицу, обсуждая что-то свое. И тогда Димка с силой швырнул связанное веревками чучело вниз и крикнул: А-а-а! И крик этот вышел даже более пронзительным, чем он того ожидал. С высоты видел, что собравшиеся внизу невольно обернули на него головы, на время застыли в немой сцене, пока чучело, кувыркаясь в воздухе, летело вниз. Димка живо представлял их лица, искаженные сначала изумлением, потом – тихим ужасом, представлял, как женщины хватаются за головы. Оцепенение длилось не долго – секунд десять, после чего люди встрепенулись и бросились к предполагаемому месту падения высотника.

Игорь же, благополучно спустившись, забросил упавшее чучело подальше с глаз долой, а сам немедленно распластался на снегу в неестественной позе. Он лежал вверх лицом и поначалу думал: закрыть глаза или нет, решил не закрывать. Буквально через несколько секунд уловил шум бегущих к нему людей, хруст снега под ногами, затем вдруг в одночасье шум прекратился, наступила какая-то неловкая тишина. А еще через какое-то мгновение над ним склонились настороженные и ошалелые лица людей, не знавших, как поступать в таком случае и явно боявшихся к нему прикоснуться. Но еще больше они ошалели, когда недвижно лежавший Игорь зашевелился, поднялся на один локоть и обвел взглядом застывших в немом оцепенении товарищей по работе.

– Бля, что бы я еще раз забрался на такую высоту! – громко выругался он, поднялся на ноги и стал отряхиваться от снега. Не сразу, но еще через какое-то мгновение до людей дошло, что над ними просто жестоко подшутили.

– Ну ты, Смык, и придурок! – раздался знакомый мужской голос. – Всех переполошил!

– Идиот! – крикнула табельщица тетка Нюра.

История имела для наших друзей не очень хорошее продолжение. Для Игоря Смыкова это восхождение на самом деле стало последним, да и для второго участника розыгрыша – Димки Лаптева тоже. Начальник ТЭЦ своим приказом за грубое нарушение трудовой дисциплины и нарушение техники безопасности на следующий день молча уволил обоих с работы. Может быть, и не уволил, если бы главного инженера – Сергея Павловича Затворова – не увезли на скорой с сердечным приступом. Получив расчет, Игорь что-то пытался объяснить своему другу, но тот вдруг помрачнел:

– Ну и втянул ты меня в историю!

– Да погоди, они остынут...

– Пошел ты, Смык! Знаешь, что мне баба Палыча сказала? Гад ты поганый! А если б его Кондратий хватил?

Димка повернулся и зашагал прочь, не желая более продолжать беседу.

На следующие регламентные работы пришлось приглашать специалистов с соседнего высотного объекта. Денег за работу они взяли заметно больше, чем запрашивали Димка и Игорь, неизвестно как выполнили регламент, но при этом остались еще и недовольны вознаграждением. Димка месяц стоял на бирже, а потом устроился электриком в электросети. Игорь Смыков поехал работать в Москву вахтовым методом. Затворов через три недели вернулся на работу, и поминал наших космонавтов нехорошими словами.

Кучино, февраль 2019 г.